

ВЛАДИМИР ЛЕБЕДЕВ.
ДЕМОНСТРАЦИЯ,
1920

новых коллекций «a la Каддафи»? Не сомневайтесь — скоро увидите.

Но в СССР никто не конкурировал за покупателя, там покупатели конкурировали за возможность купить чего-нибудь. Там действовали объективные законы. Но это же объективный закон: победители должны утвердить свои формы жизни. Почему большевистские вожди не ходили в желтых кофтах? Или хотя бы в красных? У них было две формы — штатская, как у товарища Ленина, и полувоенная, как у товарища Троцкого, а потом у товарища Сталина. В этих суперконсервативных одеяниях они и провели свой век вплоть до товарища Хрущева, который все же позволял себе надевать под пиджак вышитую косоворотку. И не пользовались они ни авангардной мебелью по эскизам Родченко и Мельникова, ни виллами с сленточными окнами, парящими над землей на тоненьких железных ножках. Ленин, правда, до эвакуации лежал в гробу, сделанном по рисунку Константина Мельникова, и его тело переламывалось в хрустальных гранях на манер кубистических полотен Пикассо, но это все же не был его личный выбор. Да и в конце концов этот гроб поменяли на более традиционную витрину, менее авангардную и захватывающую.

Поэтому говорят, что они были мещанами с консервативными вкусами. Но слушайте: это же смешно! Люди, придумывающие концлагеря, люди, ежедневно практиковавшие все новые виды пыточного гипноза, люди, планировавшие всемирную войну для установления коммунизма, люди, наконец, сообразившие превратить своего вождя в бальзамированную тушку, вынужденную вечно позировать для зрителей в бесстыдстве своего выпотрошенного состояния, не могут быть мещанами с консервативными вкусами. Вернее, их вкусы могут быть любыми, но они готовы ими жертвовать для дела.

И это значит: дела не было. Не нужно было одевать коммунистов в желтые блузы. Был какой-то другой замысел. А в чем он — загадка.

авангард — от татуировок до домов — реализовался в моде на Западе, и даже не один раз в 1920–30-х годах, но несколькими волнами в 1950–70-х, потом в 1990-х. Но не в СССР, и из-за этого у многих людей формы, приемы и образы авангарда вызывают живое чувство восхищения. Не запах революционной крови они за ним чувствуют, а вовсе даже запах буржуазности, запах «Шанель номер пять», само название которого — эфир того времени и настроения, которое заставляло футуристов называть свои модели «промблуза номер три» и «кукла номер пять в шляпе». Это в чем-то смешно — искусство антибуржуазной революции стало модой и буржуазности, и гламура.

Про Европу — понятно. Там действовал механизм моды. Он заключается в том, что элита хочет отличаться от всех остальных людей, а все остальные люди хотят быть похожими на элиту. Поэтому это вечный забег, кто быстрее, и каждый раз, когда оказывается, что предмет эконома-класса — костюм, кабинет, дом — выглядит совершенно так же, как элитарный, а стоит на порядок дешевле, элита меняет галс. Она выбирает то, что еще никто не делает и не умеет делать, а пока они учатся, пока производители предметов эконома-класса усваивают стиль, удешевляют технологии и начинают массовое производство, элитарное резко отличается от массового. В этом забеге производителей роскоши наперегонки с производителями ширпотреба модные дома не могли пробежать мимо авангарда. Он обеспечивал новизну, а то, что это было искусством революции, мало кого интересовало.

Но мода — это коммерческий механизм, это инструмент продаж. Он работает тогда, когда существуют рынки роскоши и массовые рынки, и они конкурируют за покупателя. И в этом есть даже что-то обнадеживающее. В том смысле, что какой бы беды ни случилось, рынок найдет возможность это переварить и превратить в конкурентное преимущество. Вы еще не видели

ЭРИК БУЛАТОВ.
БРЕЖНЕВ.
СОВЕТСКИЙ КОСМОС.
1977

НА ПАРТИЙНЫХ СЪЕЗДАХ

не было принято появляться в гимнастических трико, советская элита не носила ни красных, ни зеленых париков, и никогда товарищ Сталин не надевал цветного жилета